

Центр гуманитарного образования Национальной академии наук Украины
Общество русской философии при Украинском философском фонде

Великий киевлянин
НИКОЛАЙ
БЕРДЯЕВ

Киев
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДМИТРИЯ БУРЯГО
2018

УДК 1 (091) (Бердяев)
ББК 87.3(2)6

Рецензенты

В. С. Возняк,
доктор философских наук, профессор (Украина, г. Дрогобыч)
А. Г. Дротянко,
доктор философских наук, профессор (Украина, г. Киев)

Рекомендовано к изданию
Учёным советом Центра гуманитарного образования
Национальной академии наук Украины
(протокол № 5 от 30 августа 2018 года)

«Великий киевлянин» Николай Бердяев / Под ред. М. Ю. Савельевой, Д. Суходуб, Г. Е. Аляева [яз. русск, укр., фр.] / Центр гуманитарного образования Национальной академии наук Украины, Общество русской философии при Украинском философском фонде / Серия «*НИВЕАШШЕНІС*». — К.: Издательский Дом Дмитрия Бурого, 2018. — 532 с.

ISBN 978-617-7621-15-6

Третья книга философско-культурологической серии «*НИВЕАШШЕНІС*» посвящена осмыслению творческого наследия выдающегося философа XX века Николая Александровича Бердяева (1874–1948). В центре внимания авторского коллектива — тема судьбы человека в современном мире, а также проблемы свободы, творчества, религиозной эсхатологии, историософии, этики, принципов философствования, духовных начал бытия.

Впервые опубликованы тексты «Лекций о культуре», прочитанных Н. А. Бердяевым для слушателей Религиозно-философской Академии в Берлине и Париже в 20–30 гг. XX века.

Для всех интересующихся историей философии и культуры эпохи «Серебряного века», судьбой мыслителей-эмигрантов, их связями с европейской философской культурой первой половины XX века.

В оформлении использованы репродукции акварелей Уильяма Блейка

УДК 1 (091) (Бердяев)
ББК 87.3 (2) 6

ISBN 978-617-7621-15-6

© Серия «*НИВЕАШШЕНІС*»
© М. Ю. Савельева, Т. Д. Суходуб, Г. Е. Аляев
© М. Ю. Савельева (обложка, макет)

«КИЕВ ОДИН ИЗ САМЫХ КРАСИВЫХ ГОРОДОВ...»

Вместо Предисловия

МОЛОДОЙ БЕРДЯЕВ И МАРКСИЗМ

А. Стэйла

Николай Бердяев никогда не умалчивал о том, что Маркс — «социальный учитель [его] молодости», даже когда его называл своим «ныне идейным врагом»¹. В течение целой жизни периодически он возвращался к дискуссиям о марксизме, считая его заслуживающим внимания не только потому, что исторические обстоятельства сделали это неизбежным, но также потому, что Бердяев признавал за марксовым учением настоящее теоретическое достоинство². О своем юношеском присоединении к марксизму Бердяев подробно рассказывал в автобиографии, ставшей одним из основных источников для реконструкции его образования и событий его жизни. Каждый автобиографический отчет всегда представляется построенным и целенаправленным рассказом³, а бердяевское «Самопознание» открыто является ещё и пристрастным. Бердяев заявляет: «Память активна, в ней есть творческий, преображающий элемент, и с ним связана неточность, неверность воспоминания. Память совершает отбор, многое она выдвигает на первый план, многое же оставляет в забвении, иногда бессознательно, иногда же сознательно. Моя память о моей жизни и моем пути будет сознательно активной, то есть будет творческим усилием моей мысли, моего познания сегодняшнего дня»⁴.

Бердяев смотрит на свою жизнь с точки зрения представителя русского зарубежья, полагая что «русская эмиграция призвана хранить преемственность русской духовной культуры и в меру сил своих способствовать ее творческому развитию»⁵. Самого себя

он описывает как «романтический образ одинокого творца, вечно-го еретика, на каждом этапе своей мировоззренческой эволюции выявляющего заложенную в глубинах его души страсть к свободе и преодолевающего узкие рамки интеллигентской «общественности»»⁶. Называет себя «анархистом», «индивидуалистом», «бунтарем», «разбойником», «духовным» более чем «политическим революционером»⁷. Через свой «длинный философский путь», он устанавливает последовательность своего морального напряжения: «Меня всегда интересовало не исследование мира, каков он есть, меня интересовала судьба мира и моя судьба, интересовал конец вещей»⁸.

Чтобы исследовать марксистский период Бердяева, — необходимо стараться освободить первоначальную картину от следов времени и суждений самого автора. Для этого стоит прибегнуть к методу как можно более тщательной реконструкции «ситуации самого времени»⁹. Позиции молодого «бунтаря» стоит расположить в многоукладном контексте, в котором действующие лица имеют перед собою разные возможности, ничего не зная на самом деле о своем будущем. Вместо поиска ранних элементов будущего Бердяева, будем стараться описывать его начальные моменты, сопоставляя факты, свидетельства, писания, без всякой телеологии. Будем стараться взглядывать, как написал М. Колеров, на «атмосферу революционно-идеалистической молодости Бердяева, чьи проявления и приметы не искажены ни избирательной памятью мемуариста, ни позднейшими идейно-политическими обстоятельствами»¹⁰.

Чтобы найти сведения о первоначальном философском образовании Бердяева, нужно опираться на его автобиографию, — в ней представлена избирательная, но в целом, видимо, правдивая картина. В четырнадцать лет Николай прочитал «Критику чистого разума» Канта и «Философию духа» Гегеля, а также Вольтера и Шопенгауэра, чьи книги находились в библиотеке отца¹¹. Когда ему пришлось обсуждать философские вопросы с другими студентами, его подготовка была совсем иной, чем у других. Большинство его ровесников пришли к Марксу от русских писателей

шестидесятых годов и западных позитивистов¹², Бердяев «Канта и Шопенгауэра знал раньше, чем писателей материалистического направления, чем Энгельса или даже чем Спенсера»¹³.

К знакомству с марксизмом Бердяев подошёл во время учебы в университете. Его толкнули к этому бунт против аристократической среды его семьи, желание выйти из абстракций и основываться на практике, а тоже обаяние нового мировоззрения, «которое стояло на гораздо более высоком культурном уровне, чем другие течения революционной интеллигенции». Бердяев объяснял: «В марксизме меня более всего пленил историософический размах, широта мировых перспектив. <...> Марксизм конца 90 годов был несомненно процессом европеизации русской интеллигенции, приобщением ее к западным течениям, выходом на больший простор»¹⁴. Заметно, что причины, приведенные престарелым Бердяевым, значительно отличаются от причин многих его тогдашних товарищей. Марксизм обаял большинство молодых интеллигентов обещанием светлого будущего на твердых основах неопровержимой науки: экономические закономерности, будучи базой целого общества и человеческой культуры, определяют исторический путь к социализму¹⁵. Молодой Бердяев стал марксистом не из-за «научности» учения, а благодаря его открытости западной культуре.

Под влиянием его друга, Д. Я. Логвинского, Бердяев вошел в марксистский кружок, где познакомился с А. В. Луначарским. Последний вспоминал, что в кружке «шли деятельные кружковые занятия, где рядом с Писаревым, Добролюбовым, Миртовым [Лавровым], зачастую также изучением Дарвина, Спенсера, шли занятия политической экономией по книгам Чупрова и по нелегальной литературе социал-демократического характера»¹⁶. В таком контексте, согласно мемуарам Бердяева, он «начал читать лекции и доклады членам Киевского социал-демократического комитета, и [его] считали идейным руководителем»¹⁷. По поручению киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» молодой философ поехал за границу и «привез большое количество социал-демократической литературы в фальшивом дне сундука»¹⁸.

и, по сведениям полиции, он вместе с братом Сергеем «сообщал за границу литературный материал для помещения в революционных изданиях и различные стихотворения и оды преступного политического содержания...»¹⁹.

Узнав о политической деятельности сына, отец Бердяева «иронично заметил, что Николай — “барин-сibarит” еще больший, чем он сам, потому не поверил в серьезность его революционных устремлений»²⁰. Но скоро ему пришлось изменить мнение: в 1897 году Николая арестовали на несколько дней за участие в студенческой демонстрации. Ночью 12 марта 1898 года обыскали квартиру и обнаружили нелегальную литературу. Дознанием была установлена принадлежность Бердяева к «преступному сообществу социал-демократического характера», и в итоге «Бердяев был включен в список обвиняемых по Киевскому жандармскому управлению, исключен из университета и арестован»²¹.

В тюрьме он просидел месяц, правда, условия были не самые тяжелые: сначала его держали в большой камере вместе с другими арестованными, и они выступали с докладами, обсуждали философские вопросы. Затем его перевели в одиночную камеру, но дверь не запиралась, и он мог свободно общаться с товарищами. Когда его посадили в настоящую одиночку, ему разрешили держать книги с собой²². Это не было особой привилегией Бердяева. Вообще политические заключенные пользовались в царских тюрьмах относительной свободой²³. А Бердяеву можно было рассчитывать на влиятельную семью, готовую заплатить залог в пять тысяч рублей, и молодой революционер дождался на свободе окончания дела. 22 марта 1900 года его приговорили к трем годам ссылки в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции.

Нельзя не согласиться с Бердяевым: «Это много для философа по призванию»²⁴. Дело в том, что тогда двадцатипятилетнему Бердяеву можно было считать себя философом, но царская полиция считала его активным революционером. Между ним и Луначарским, который тогда уже всецело отдался нелегальной деятельности, жандармы видели только количественную разницу. Однако в то же время, когда он приближался к позиции социал-демократии,

Бердяев посещал в Киевском Университете лекции и семинары Г. И. Челпанова, «блестящего представителя небольшой группы истинно образованных русских философов», как его назвал Андрей Белый²⁵, и пылкого критика материализма. Челпанов выражал сожаление по поводу широкой распространенности в среде русской интеллигенции идеи о том, что материализм представляет собой своего рода «научную философию». На самом деле материализм, считал Челпанов, представлял собой не что иное, как философию «не-философов» — тех, кто подчиняется общепринятым представлениям²⁶. Бердяев никогда не поддерживал марксистский материализм в философии, и в этом согласился с Челпановым. С ним, всё-таки, как Бердяев написал к П. Б. Струве: «Я веду бесконечные споры», так как профессор «не может понять ни моего стремления к общественному добру, ни моей потребности в абсолютной санкции добра»²⁷.

Будучи исключенным из университета, Бердяев продолжал заниматься самостоятельно. В течении времени между арестом и ссылкой Бердяев совершил свой литературный дебют с рецензиями в журнале «Мир Божий», сначала анонимными, дальше с подписью «Б. К-ский» и псевдонимом «NN». Бердяев был тогда уже известным полицией, поэтому вряд ли анонимность объясняется цензурными соображениями. Вероятнее оказывается гипотеза В. В. Сапова: «Бердяев, по-видимому, хотел войти в литературу не как автор коротких рецензий <...>, а как автор самостоятельных статей и книг»²⁸. А рецензии, опубликованные им с 1898 года, показывают нам его философские вкусы, его любимых авторов и течения (Кант, неокантианцы, Спиноза, Плато, Шопенгауэр...), иногда даже оригинальные мысли. Например, интересно, что в рецензии на книгу о Спинозе Бердяев предоставил «спиритуалистическую» интерпретацию психофизического параллелизма, между тем как Г. В. Плеханов сделал из Спинозы материалиста *ante litteram*²⁹.

Рецензии утверждают, что Бердяев никак не придерживался материализма. Он был согласен с тем, что «материализм есть отжившее мировоззрение»³⁰. По его мнению, философия «критическая

и идеалистическая» должна выступать дополнением материализму, который никогда не будет «той законченной доктриной, которая высказывает последнее слово о сущности действительного»³¹. Бердяев обращался к Канту³², особенно его безжалостной критике несостоятельной теории познания материализма: «Мы не можем собственно воспринимать материи без того, чтобы мы не воспринимали при этом нашего “я”; (...) в этом смысле наши духовные состояния так же реальны, как и материя, и даже в известном смысле реальность духовных состояний для нас более очевидна, чем реальность материи»³³.

Размышления, разработанные в рецензии на второе издание «Истории материализма» Ф. А. Ланге, превратились в первую настоящую статью, подписанную Н. А. Бердяевым, и опубликованную в двух слегка разных вариантах на русском в журнале «Мир Божий» и на немецком в авторитетном органе немецкой социал-демократии «Die Neue Zeit». Произведение Ланге использовалось тогда необыкновенной популярностью, и в России уже вышло в трех изданиях³⁴. В статье Бердяева оно стало предлогом более широких дискуссий, в первую очередь по теории познания. По мнению Бердяева, проблема познания не была удовлетворительно решена ни в одном из трех основных течений: «Так называемый *наивный реализм*, который полагает, что мы познаем вещи такими, каковы они сами по себе», *идеализм*, который видит центр тяжести в субъекте, а объект, т. е. весь мир, считает его продуктом», и даже кантовским критицизмом. Кант правильно считал, что «все познаваемые вещи <...> суть только явления для нас, т. е. не для индивидуального сознания, а для *общего трансцендентального сознания*, которое и делает познание объективным, общеобязательным», но дальше он совершил ошибку, введя понятие «вещи в себе»³⁵. Бердяев предлагал четвертое решение: «последовательный и доведенный до конца феноменализм», т. е. в то же время «окончательное торжество реализма, но реализма не наивного, а критического»³⁶. В теории познания субъект и объект оказываются соотносительными понятиями: без одного не может быть и другого. Все то, что субъект познает, тем самым

является реальным; все то, что субъекту не дано в познании, является фикцией, в том числе и «вещи в себе». Бердяев резюмировал: «Объект существует *вне* субъекта, но он существует только для субъекта»³⁷.

Познаваемость мира была тогда темой глубоких размышлений в русском марксизме, даже в видимо сложной форме обсуждения настоящего значения «вещей в себе». Плеханов поставил этот вопрос в центр своей критики немецкого ревизионизма, именно на страницах «Neue Zeit». Выступая против Конрада Шмидта, Плеханов подчеркнул «*метафеноменалистический*» характер материализма, «потому что он не подвергает сомнению ни существование вещей вне сознания, ни их действие на нас»³⁸. А Плеханов всё-таки замечал: «Кантианизм тоже *метафеноменалистичен* в том смысле, что он признает *действие на нас вещей в себе*»³⁹. Поэтому ортодоксальный русский марксист *par excellence* думал, что материализм — последовательнее кантианизма. Бердяев подтверждал, что ««вещи в себе» — это грехопадение кантовской теории познания»⁴⁰, но предлагал совершенно противоположное решение: чтобы выйти с кантовских противоречий, колеблющихся между феноменизмом и материализмом, надо было последовательно пойти по пути феноменизма.

Согласно с историческим материализмом, Бердяев тогда объяснял, что «*противоречивый характер философии Канта и неокантианцев есть идеальное отражение реальных противоречий общественной жизни*»⁴¹, и, в конце концов, «только слияние философской мысли с прогрессивными стремлениями современной жизни создаст почву для философии будущего, и нового слова в философии мы ждем от идеологов определенной общественной группы, мысль которой до сих пор была скована тяжелыми условиями жизни»⁴².

Уже в первой своей статье Бердяев обращал особое внимание на этику, но это тогда ему казалось возможным со всем соглашаться с марксистской социологией. Маркс и Энгельс придавали важную роль человеческой воле как «первичному элементу душевной жизни»⁴³, поддерживая в некотором смысле кантовский примат

практического разума. Этику в марксизме нельзя было снизить до индивидуального буржуазного утилитаризма, на основе рационального расчета. Бердяев писал: «Современная психология и этика уже доказали, что чувства и желания, а не рассудочный расчет руководят человеком, и то же самое, с другой стороны, доказывает материалистическая социология. *Индивидуализм в этике* заменяется *универсализмом*», и дальше: «Уничтожение индивидуалистического мировоззрения мы считаем важнейшей задачей философской мысли»⁴⁴. Конкретно, в истории, «личность нельзя отделять от тех социальных сил, которые её породили», индивид всегда связан со своими классовыми интересами. Молодой Бердяев здесь не сомневался: «В классовом обществе нравственность всегда носит классовый характер, но нравственность *прогрессивного* класса, класса будущего, всегда является продуктом приспособления к требованиям всемирно-исторического прогресса и общечеловечна по своему значению, она является принципом всеобщего законодательства»⁴⁵. В результате гармонизации жизни будущее общество придет «к цельному монистическому мировоззрению, кровными нитями связанному с жизнью»⁴⁶. В том, что в мышлении приходится вырабатывать цельное мировоззрение, Бердяев был согласен со своими товарищами, какие бы ни были их философские мнения, но он думал, что его монистическое мировоззрение преодолет диалектический материализм, так как «мы считаем возможным только один призыв в философии, призыв *вперед*, к самостоятельной философской работе, так как мы прежде всего — люди будущего!»⁴⁷.

То обстоятельство, что статья Бердяева была опубликована в «Neue Zeit», мгновенно сделало его авторитетным марксистом. Луначарский, например, много лет спустя так охарактеризовал Бердяева: «Блестящий молодой марксистский писатель, первая статья которого о Фридрихе-Альберте Ланге появилась в тогда для нас казавшемся недостижимым журнале «Neue Zeit» с большим одобрением тогда непререкаемого нашего учителя Каутского»⁴⁸. На самом деле Каутский написал Бердяеву с одобрением его статьи, о чем молодой философ сообщил Струве и, наверно, не только ему⁴⁹.

Когда появилась статья о Ланге, Бердяев уже оказался в Вологде, на ссылке, которая тогда, по словам одного свидетеля, «представляла, можно сказать, не боясь впасть в преувеличение, квинтэссенцию партий с.-р., с.-д. и к.-д.», «Северные Афины», и слава о ней гремела во всех уголках России»⁵⁰. Бердяев приехал 9 мая 1900 года. Там уже находились А. А. Богданов, наверно, самый оригинальный философ среди марксистов, Б. В. Савинков, историк и литератор П. Е. Щеголев, П. Б. Кистяковский, П. П. Румянцев, и многие другие. Туда же приехала весьма внушительная группа революционеров из Киева, и в январе 1902 года Луначарский. Бердяев удобно разместился: родители ему послали книги и даже любимое кресло⁵¹.

Репутация Бердяева среди ссыльных оперилась особенно благодаря его красноречию. Бердяев был блестящим оратором: Луначарский впоследствии вспоминал, что «изящество его речи и широкая культурность подкупали ссыльных и крутившуюся вокруг них молодежь»⁵². В Вологде ссыльные выступали с лекциями, рефератами, устраивали музыкальные вечера. Не удивительно, что Бердяев отказался, когда его семья озабочилась тем, чтобы его перевели в другое место. Своему отцу он написал: «Я считаю опасным такой перевод, я могу попасть в отвратительное место, где не будет ни одного интеллигентного человека»⁵³. Среди вологодских ссыльных Бердяев принадлежал к так называемой «аристократии», «более независимой в своих суждениях от коллектива, более индивидуалистичной и свободной в своей жизни»⁵⁴. Например, Бердяев вспомнил что «когда большая группа ссыльных приехала в Вологду, то возник, между прочим, глупый вопрос о том, нужно ли подавать руку полицмейстеру, и его хотели решить коллективно. Я поставил дело так, что этот вопрос будет для меня решен мной самим, как, впрочем, и все другие вопросы морального характера»⁵⁵. «Демократическую» фракцию ссыльных возглавляли Богданов и Луначарский, более строгие коллективисты, а на самом деле оба совсем отдаленные от плехановской ортодоксии. Тогда Богданов уже опубликовал книгу, в которой предлагал «энергетический метод» изучения природы и целого

мира. А вторую книгу по философии он посветил вопросам теории познания⁵⁶, и в Вологде разрабатывал основы своего нового парадигма, эмпириомонизма, в диалоге с эмпириокритицизмом Маха и Авенариуса.

Луначарский приехал в Вологду после учебы в Цюрихе у самого Авенариуса, личностью которого был особенно впечатлен. Много лет спустя тогдашний комиссар по просвещению заявил: «Все важнейшие вопросы, ответить на которые я считаю делом своей жизни, наметились для меня уже тогда, в 1895–1896 годах»⁵⁷. Эмпириокритицизм он определял как «самую молодую, самую многообещающую философскую школу»⁵⁸, не только в теории познания, а тоже в обосновании оценок в конкретном биологическом существовании человека. «Основую всех позитивных моральных систем, — заключал Луначарский, — является (...) разнообразная *радость жизни*»⁵⁹.

Богданова Бердяев характеризовал как «очень хорошего человека, очень искреннего и беззаветно преданного идее», но в этом смысле большого, «тихого и незлобивого, помешанного на идее»⁶⁰. С Луначарским отношения были сложнее. Прибытие в Вологду Луначарского в 1902 году нанесло сокрушительный удар по популярности Бердяева. Искусный собеседник и публицист, он выступал с многочисленными докладами, вынуждая Бердяева все чаще игнорировать публичные обсуждения, несмотря на приглашения участвовать⁶¹. Вскоре социал-демократы стали относиться к Бердяеву «иронически»⁶². Струмилин вспоминал, что «талантливый Бердяев нередко полемизировал с блеском и подъемом, но его красивое, нервное лицо все чаще искажалось при этом пугающими гримасами тика. За него становилось жутко и больно. И спор угасал сам собою»⁶³. Необходимо все же подчеркнуть, что на самом деле разногласия проявлялись главным образом в теоретических спорах, личные же отношения между ссыльными, какими бы ни были их философские и политические взгляды, в целом сохраняли черты радушия⁶⁴. А вологодские философские споры вызывали сенсацию среди русских марксистов везде. 18 февраля 1902 года В. И. Ленин, находящийся в Мюнхене, написал в Берн,

к Л. И. Аксельрод: «Из Вологды (где сидят Бердяев и Богданов) сообщают, что ссыльные там усердно спорят о философии и Бердяев, как наиболее знающий, «побеждает», по-видимому»⁶⁵.

Слава Бердяева закрепились с публикацией книги, посвященной критике субъективизма Н. К. Михайловского, а на самом деле направленной также против материализма марксистского толка, во имя критической философии. В самом начале века полемика против народничества являлась общей чертой, соединяющей в одной битве разные течения русского марксизма. Плеханов, Ленин, Струве, Бердяев... все выступали с разных точек зрения против того же самого «противника». Но разница между позициями Бердяева и ортодоксов была совершенно очевидна.

С самого начала он выступал с позиции критической философии, определяя понятия объективизма и субъективизма кантовскими терминами. С одной стороны, «объективное <...> значит *общеобязательное*, имеющее всеобщую применимость (*allgemeingultig*)»⁶⁶, обеспеченную логических предпосылок познания; с другой, каждый субъект неизбежно вносит в познание какой-нибудь субъективный, психологический, цвет⁶⁷. Но это не значит, что все то, что коренится в психологии субъекта, само по себе оказывается относительным и произвольным. Бердяев замечал что именно как бывает с правдой-истиной, ««правда-справедливость» тоже должна быть *обязательна для всех*, иначе это не будет правда»⁶⁸. В отличие от объяснений исторического материализма, по Бердяеву истина, добро и красота — это не идеальные понятия, производные историко-социальной ситуации, а понятия абсолютно законные, основывающиеся на трансцендентальном сознании. При этом Бердяев признавал истинность утверждения исторического материализма о том, что случайные социальные условия могут помешать определенным индивидам или классам распознать коренящиеся в трансцендентальном сознании истину и справедливость. Основываясь на этих взглядах, он выстраивал свою «идеалистическую теорию мессианства пролетариата»⁶⁹. Истина, будучи «логически обязательной для всякого разумного существа», в конкретной исторической ситуации становилась

«психологически доступной только одному классу»⁷⁰. Пролетариат же как «универсальный класс» представлялся ему главной точкой сближения психологического сознания с сознанием трансцендентальным.

Несмотря на его убежденность в сверхисторическом значении «абсолютных» ценностей, Бердяев все же считал необходимым вывести из них направление конкретного политического и исторического поведения. Реалистический подход Бердяева к конкретной исторической ситуации выражается в его якобы «реформизме»: надо «поправить» демократически развитию капитализма, и этим никак не нарушаем «естественный ход» истории. Наоборот, «эти «поправки» составляют неотъемлемую часть естественного социального развития, закономерный результат борьбы светлых сторон капиталистического общества со сторонами темными»⁷¹. Но всё-таки в книге о Михайловском Бердяев выступал там и сям своего рода утопистом. В частности он считал немыслимой противоположение личности и общества; для него гармонизация той и другого будет необходимо. В книге читается: «торжество общества, торжество общечеловеческого сознания есть вместе с тем торжество человеческой личности, её гуманизация и индивидуализация; история работает над созданием человеческой личности трудным, но единственно возможным путем борьбы общественных групп, и неясное отражение этой борьбы представляется нам антагонизмом личности и общества вообще»⁷².

Замысел своей книги Бердяев изложил в письме к П. Б. Струве: «Самое страстное мое желание, это — поднять марксизм до заоблачных высот, придать ему в конечном счете идеалистический характер»⁷³. При этом Бердяев совсем не хотел порвать с социал-демократами. Обсуждая вместе со Струве вопрос практических последствий их общей программы переосмысления марксизма, Бердяев писал: «Я все-таки думаю и чувствую, что наша критика, наши поправки, все наши «новые слова» не должны разрушать того соединения, которое раньше образовалось, в нем сила и своеобразная красота жизни. Отсюда вытекает необходимость

для нас обязательных норм, которые ставили бы границы полемики с ортодоксами»⁷⁴.

Публика, всё-таки, в целом видела в книге выражение кризиса внутри русского марксизма. Некоторые писали, что сам кризис — знак развития и роста самого марксизма⁷⁵; другие подчеркивали, что субъективизм Бердяева представлял собою поворотом к субъективизму Михайловского⁷⁶. Сам Михайловский написал, что книга Бердяева имела «целью на словах обновить марксизм, а в сущности разрушить его»⁷⁷. Многие, конечно, стали обсуждать теоретическое содержание статьи. Первым был П. Б. Струве, автор длинного предисловия, к которому он сам посоветовал читателям возвращаться после прочтения самой книги⁷⁸. В это время Струве уже взялся за критику марксизма, и более решительно, чем Бердяев. В предисловии он указал на видимо «противоречивые» позиции последнего, в частности на вопрос класса. По мнению Струве, «как классовая точка зрения не есть критерий истины, так интересы класса не суть критерий должного», так как «истина и идеал не заимствуют своего достоинства от классовой точки зрения, а сообщают ей это достоинство»⁷⁹. В письме к нему Бердяев старался утверждать, что точки зрения их обоих сходились, несмотря на мнимое противоречие универсализма и индивидуализма: «Мы оба противники утилитаризма и гедонизма, оба утверждаем безусловную самоценность человеческой личности, оба приводим этическую проблему к метафизической»⁸⁰. То, что Бердяев отошел от марксизма меньше чем Струве, одобряли одни рецензенты, между тем как другие обвиняли Бердяева в том, что он недостаточно храбр⁸¹.

Статья «Борьба за идеализм», появившаяся в журнале «Мир Божий», была более острая и ясная по отношению к материализму. Называя себя инакомыслящим марксистом, Бердяев заявлял, что «песенка позитивизма, натурализма и гедонизма спета»⁸². Основную мысль статьи он еще раз резюмировал в переписке со Струве: «Именно мы, люди прогрессивных социальных стремлений современной эпохи, должны объявить борьбу за идеализм (нравственно-общественный, философско-религиозный и эстетический);

мы должны отнять у реакционных сил права на идеализм, эти темные силы барахтаются в грязи, и только мы стремимся вверх во всех отношениях. Тут нужно распутать исторические недоразумение, переменявшее роли»⁸³. В статье Бердяев предложил объединить практический и теоретический идеализм, «чтобы совместными силами бороться с социальной и культурной буржуазностью и подготовить душу человека для будущего общества»⁸⁴. Этим Бердяев заявлял, что тяготеет к Лассалю⁸⁵, но одновременно критикует «буржуазный» квиетизм Бернштейна. Проект «новой ортодоксии» Бердяева был наполнен вдохновляющими эмоциями⁸⁶: «Мы нуждаемся в захватывающих наш дух настроениях, чтобы подняться над безобразной пошлостью серенькой жизни, чтобы проникнуться тем энтузиазмом, без которого ничто великое в истории не совершалось»⁸⁷.

К «духовной аристократизации» общества надо готовиться уже в течении борьбы, имея всегда в виду «за материальными средствами борьбы (...) ее идеальные цели»⁸⁸. Бердяев указал на «великую задачу» времени: «Влить идеальное нравственное содержание в те социальные формы, которые несут за собою прогрессивные силы общества»⁸⁹. На самом деле Бердяев продолжал считать себя «реалистом» в анализе текущих экономических процессов, но, говоря о революции и социализме, речь уже не шла о самостоятельном ходе истории. Тут должна играть свою высшую роль интеллигенция, воплотившая в себе трансцендентальный идеал, и управляющая деятельностью оппозиционного движения⁹⁰.

Не удивительно, что Бердяев с восторгом принял участие в сборнике «Проблемы идеализма», являющемся настоящим вызовом к интеллигенции, чтобы она взялась снова за «проклятые вопросы» и, принимая настоящий идеализм, окончательно вытеснила позитивизм. Традиционные темы свободы воли, связи между бытием и долженствованием, а также ценности индивидуума вновь становились объектом пристального внимания философии⁹¹. Свою статью Бердяев посвящал к этическому вопросу, выставляя «идеальное нравственное совершенство» индивида как окончательную цель⁹². При этом он настаивал на том, что именно

идеализм и трансцендентальное основание идеалов могли бы способствовать революционной деятельности: «Чистая идея должного есть идея революционная, (...) она символ восстания против действительности во имя идеала, против существующей морали во имя высшей, против зла во имя добра»⁹³.

Именно выступая с энтузиазмом за новую полную жизнь, Бердяев старался обосновать в статье, что, как не странно, можно было согласовывать Канта и Ницше: «Кант дает философские основания для этического индивидуализма, для признания человека самоцелью и безусловной ценностью; Ницше преодолевает мещанские элементы кантовской практической морали и подготавливает свободную мораль будущего, мораль сильной человеческой индивидуальности»⁹⁴. Но выводы Бердяева были все равно кантианскими: «Признание за человеческой личностью безусловной ценности и права на самоопределение, признание ее самоцелью, а не средством, и вместе с тем признание равноценности людей»⁹⁵. Идеал развития человека даже преодолевал границы индивидуальной жизни и эмпирического мира, так как последний этап длинного пути человечества становился «соединение индивидуального “я” с “я” универсальным, т. е. человека с Божеством»⁹⁶. Возвышение личности и этический индивидуализм в статье выражались гораздо ярче, чем в книге о Михайловском, не страшась дойти до метафизических и религиозных гарантий. Тем еще тверже было утверждено «основное условие уважения к человеку и духу — свобода»⁹⁷. Хотя Бердяев заявлял также, что чувствует себя марксистом «в вопросе о социально-экономическом развитии России»⁹⁸, другие ссыльные в Вологде стали считать его «изменником»⁹⁹. Богданов, будучи психиатром по профессии, некоторое время навещал Бердяева, задавал ему различного рода вопросы, проверяя таким образом состояние его здоровья, искренне убежденный в том, что идеалистическое обращение объяснялось психофизическим расстройством¹⁰⁰. Бердяев совсем открыто перешел на явный индивидуалистский принцип, притом в сборнике огромного успеха прямо направленном против позитивизма и материализма. «Проблемы идеализма», строгая книга по философии,

написанная тяжелым языком, стала, по словам современника, «той “беспокойной книгой”, которую ищут, в которой хотят что-то найти, так же как всего несколько лет тому назад искали открытий в не менее тяжелых трудах Маркса»¹⁰¹.

В прессе сборник получил больше критики от лагеря «народников», чем от марксистов¹⁰². Последователи Михайловского, конечно, принимали с восторгом бердяевский примат личности, но отмечали, что «личность для нас, не голая идея, а наш ближний, имеющий всецело эмпирическое происхождение»¹⁰³. Марксисты сначала отреагировали терпимее потому, что среди «идеалистов» оказались те, кто был их союзником в некоторых политических битвах, и они наверняка хотели оставить открытым путь политического сотрудничества. Луначарский, например, смягчил резкие черты своей критической статьи против сборника, заметив в самом ее начале, что, несмотря на свои предубеждения, все же сложившееся у него впечатление было куда лучше, чем он того ожидал. «*Sie wollen noch gut!*» — в итоге заключал он. Проблема, по его мнению, состояла лишь в том, что идеалисты не были способны утверждать идеал, не обращаясь к метафизическим гарантиям его реализации: «У господ идеалистов <...> не хватает мужества ясно видеть, что будущее неопределенно, и человек для достижения желанного может опереться только на свои силы»¹⁰⁴.

Еще мягче высказались плехановцы, хотя они были самым непосредственным объектом атак Бердяева и других «идеалистов». Тогда Плеханова действительно интересовало прежде всего сотрудничество со Струве, и может быть поэтому поручил молодой последовательнице Любовь Аксельрод выступить против «русских идеалистов»¹⁰⁵. Она критиковала Струве и Бердяева за то, что они якобы не почувствовали философской силы марксизма и в частности материалистического сенсуализма, который Плеханов именно в те годы выдвигал против немецких ревизионистов¹⁰⁶. Против Струве и его критики марксовской диалектики Плеханов решился выступить в 1901–1902 годах в серии критических статей — пусть и не таких резких, какими были его выступления против немецких ревизионистов¹⁰⁷. Путешествуя по Европе после его освобождения

из ссылки, Бердяев удивился, что выдающиеся лидеры русской социал-демократии принимали его мило и доброжелательно. Как четко и сразу Бердяев передал Струве, П. Б. Аксельрод «решительно высказался за союз соц[иал]-демокр[атов] и освобожденцев», и Г. В. Плеханов «поразил [его] своей любезностью» на собраниях II Международного философского конгресса в Женеве: «Он первый подошел ко мне, очень приглашал к себе, выразил желание побеседовать со мной на философские темы и представил меня Людвигу Штейну в качестве своего “друга”. Не понимаю, что сей сан означает»¹⁰⁸.

Бывшие товарищи Бердяева по ссылке в 1904 году выпустили сборник, названный «Очерки реалистического мировоззрения», в качестве «систематического ответа на сборник противоположной группы»¹⁰⁹. Их реализм противился, как и провозглашали они в предисловии, «укоренению в “потустороннее”, отличаясь отказом от любого метафизического абсолюта и умеренностью претензий на истину»¹¹⁰. А проблемы, обсужденные в сборнике, и даже некоторые решения «поверхностному наблюдателю» могли казаться «близкими к предметам размышлений и разглагольствований идеалистов»; поэтому Луначарский заявлял, что «реалисты» к ним пришли «совершенно самостоятельно»¹¹¹. На самом деле этический вопрос волновал Луначарского не менее чем Бердяева, но он нашел в биомеханике Р. Авенариуса основу «реалистического» понимания нравственности: человек, как биологическое существо, никогда не воспринимает мир «нейтрально», а любое восприятие имеет для него неизбежно положительный или отрицательный знак в зависимости от того, к чему она присоединяется, благоприятному или же враждебному для сохранения жизни¹¹². Это значит, что целая деятельность человека направлена к переживанию и развитию, утверждению жизни и силы. Сам Ницше показал, что это неизбежно должно привести к преодолению этического критерия индивидуального блага. По мнению Луначарского, приблизившись к идее блага человеческого рода, отдельный индивид еще теснее свяжет этическое понятие блага с эстетическим идеалом полноты и силы жизни¹¹³. Поэтому, полемизируя с Бердяевым,

Луначарский заявлял, что основанием нравственности должен быть коллективный, а не индивидуальный принцип.

А самый спорный элемент в дискуссиях «реалистов» с «идеалистами» было самое значение термина «идеализм»: с одной стороны отстаивание метафизической теории, с другой этическое побуждение к благородным и героическим действиям во имя идеала. Вопрос уже подняла Вера Засулич, в статье 1902 года, замечая, что Бердяев «делает невообразимый винегрет из всевозможных смыслов одного и того же слова “идеализм”, и по мере своих сил и возможности залепляет этой смесью глаза читателей, а также и свои собственные»¹¹⁴. А в путанице нельзя было обвинять единственного Бердяева¹¹⁵. Именно поэтому Богданов давно уже придумал термин «идолизм», чтобы назвать поборников теоретического идеализма¹¹⁶, полагавших, как мы видели с Бердяевым, что именно их философская концепция может считаться основанием практического идеализма. Наоборот, Богданов утверждал, что практический идеализм был глубоко родствен марксизму как научному исследованию условий и методов осуществления идеала. В «Очерках» Луначарский также объяснял, что в отличие от пренебрегающего эмпирической реальностью философского идеализма, практический идеализм обнаруживал собственные средства реализации: «Народ — идеалист искони, но его идеалы становятся все более реалистическими по мере того, как он сознает свои силы; он все более готов теперь предоставить небеса небесным существам и жить земною жизнью, расширяя и поднимая ее беспредельно. Содействовать росту веры народа в свои силы, в лучшее будущее, искать рациональных путей к этому будущему — вот задача человека»¹¹⁷. Свое понимание идеализма Луначарский ясно высказал: «Идеал впереди есть могучий стимул к работе, идеал над нами лишает нас необходимости работать: он уже есть, он существует помимо нас и достигается не познанием, не борьбой, не реформами, а мистическим ясновидением, мистическим экстазом и самоуглублением. Чем ярче старается идеалист осветить небесное царство, тем более трагический мрак бросает он на землю»¹¹⁸.

Понятно, что панорама русского марксизма в начале XX века была очень разнообразной, и не удивительно, что Бердяев долго ощущал себя близким марксизму на практическом плане. Критикуя исторический материализм, он все-таки подчеркивал в «Мире Божьем», что «наша практическая программа должна считаться и с реалистической социологией и с идеалистической философией истории, последняя указывает на цели, которые нас делают людьми, первая на средства, которые не делают нас бесплодными утопистами»¹¹⁹. Но следует оправдать Бердяева, поскольку уже в молодости он осознал, что «социализм может принять разные обороты, может привести к освобождению, но может привести и к истреблению свободы, к тирании, к системе Великого Инквизитора». Дальше Бердяев претендовал на «предчувствие возможности большевизма» и борьбы с «тоталитаризмом»¹²⁰, легко объясняемые в контексте 40-х годов, но не в начале века. И совершенно верно то, что Бердяев стал размышлять о сложности роли интеллигенции как руководитель социалистического движения именно со словами Достоевского. В статье 1904 года о русском идеализме, Бердяев написал: «Многие, слишком многие рассуждают так, как рассуждал Великий Инквизитор у Достоевского: они знают способ, как сделать людей довольными и счастливыми, как устроить их на земле, все равно, будет ли этот способ католицизмом, социализмом или другой системой успокоения, и вот они готовы распять того, кто явится к ним со словом беспредельной свободы <...> И еще выбор: признать права личности, как неотъемлемые, абсолютные, не выводимые извне, из коллективной воли, или права личности, как средство, подлежащее утилитарной расценке, имеющее своим источником социальное целое»¹²¹.

Бердяев был готов окончательно отказаться от марксизма. К концу того же 1904 году он повторял, еще ближе к духу Достоевского: «Есть два пути, один — путь человеколюбия, который желает осчастливить людей, устроить и успокоить их, выстроить для ближних удобное здание, в котором они забудут о своей иррациональной и трагической свободе, откажутся от своих прав на абсолютную, сверхмировую истину. Это путь Великого Инквизитора,

он ведет к муравейнику, в котором не будет ни свободы, ни личности. Другой — путь боголюбия, который желает освободить людей, ставит истину и ценности сверхчеловеческие выше благополучия и устройства жизни. Это путь Того, Кто пришел со словами беспредельной свободы и был напоминанием, что Бог, свобода и истина выше блага и спокойствия людей. И нужно выбрать человеколюбивый путь благополучия или боголюбивый путь свободы»¹²².

Сам Бердяев испытывал в юности обаяние роли «интеллигента», возглавляющего пролетариат, своего рода «инквизитора». А именно фигура «маленьких великих инквизиторов» периодически возвращалась в работы Бердяева. Каждый раз он их критиковал всё более грустно и горько¹²³.

¹ См. посвящение книги: *Бердяев Н. А. Христианство и классовая борьба*. — Париж: YMCA-Press, 1931. — 139 с.

² Напр. см. *Бердяев Н. А. Марксизм и религия*. — Варшава: Изд.-во «Добро». — Париж, YMCA-Press, 1929; *Бердяев Н. А. Правда и ложь коммунизма // Путь*. — 1931. — № 30. — С. 3–34; *Бердяев Н. А. Персонализм и марксизм // Путь*. — 1935. — № 48. — С. 3–19; *Бердяев Н. А. Неогуманизм, марксизм и духовные ценности // Современные записки*. — 1936. — № 60. — С. 319–324; *Бердяев Н. А. Русская идея*. — Париж: YMCA-Press, 1946; *Бердяев Н. А. Царство Духа и Царства Кесаря*. — Париж: YMCA-Press, 1951; *Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма*. — Париж: YMCA-Press, 1955.

³ См. *The Philosophy of Autobiography / Ed. By Ch. Cowley*. — Chicago-London: The University of Chicago Press, 2015.

⁴ *Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии*. Париж: YMCA-Press; Москва: Книга, 1991. — С. 7–8.

⁵ *Бердяев Н. А. Духовные задачи русской эмиграции (От редакции) // Путь. Орган русской религиозной мысли*. Париж: Издание религиозно-философской академии. — 1925. — № 1. — С. 5; *Mjor, K. J. Reformulating Russia. The Cultural and Intellectual Historiography of Russian First-Wave Emigré Writers*. — Leiden-Boston: Brill, 2011. — P. 43-44.

- ⁶ Колеров М. А. Н. А. Бердяев в начале пути (письма к П. Б. и Н. А. Струве) // Лица: Биографический альманах. — 3. — М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1993. — С. 119.
- ⁷ Бердяев Н. А. Самопознание. — С. 9, 63, 93, 110.
- ⁸ Бердяев Н. А. Самопознание. — С. 95.
- ⁹ Санов В. В. Бердяев начинается // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском / Вступ. статья, сост. и комментарии В. В. Сапов. — М.: Астрель, 2008. — С. 6.
- ¹⁰ Колеров М. А. Н. А. Бердяев в начале пути. — С. 121.
- ¹¹ Бердяев Н. А. Самопознание. — С. 92–93
- ¹² См. напр. Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. — Кн. I. — Берлин: Grschubin. 1922. — С. 53.
- ¹³ Бердяев Н. А. Самопознание. — С. 96.
- ¹⁴ Бердяев Н. А. Самопознание. — С. 118.
- ¹⁵ См.: Франк Л. С. Предсмертное. Воспоминания и мысли (Автобиография и автобиблиография) // Вестник Русского Христианского Движения. — 1986. — № 146. — С. 110–111.
- ¹⁶ Луначарский А. В. Воспоминания из революционного прошлого // Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. — М.: Сов. Россия, 1968. — С. 17.
- ¹⁷ Бердяев Н. А. Самопознание. — С. 119.
- ¹⁸ Бердяев Н. А. Самопознание. — С. 119.
- ¹⁹ Цит. по: Дмитриева Н. К., Моисеева А. П. Философ свободного духа (Николай Бердяев: жизнь и творчество). — М.: Высш. шк., 1993. — С. 11–12.
- ²⁰ Волкогонова О. Д. Бердяев. — М.: Мол. Гвардия, 2010. — С. 28.
- ²¹ Дмитриева Н. К., Моисеева А. П. Философ свободного духа (Николай Бердяев: жизнь и творчество). — С. 13; См.: Н. А. Бердяев: pro et contra. Антология / Отв. ред. А. А. Ермичев. — Кн. 1. — СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2004. — 572 с. — С. 31.
- ²² Волкогонова О. Д. Бердяев. — С. 32.
- ²³ См.: Струмилин С. Г. Из пережитого. 1897–1917 гг. — М.: Госполитиздат, 1957. — 118; Луначарский А. В. Воспоминания из революционного прошлого // Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. — С. 25.

- ²⁴ Бердяев Н. А. Самопознание. — С. 119.
- ²⁵ См.: Андрей Белый. О границах психологии // Андрей Белый. Собрание сочинений. Символизм. Книга статей / Общ. ред. В. М. Пискунова. — М.: Культурная революция; Республика, 2010. — С. 45–47.
- ²⁶ См.: Челпанов Г. И. Мозг и мысль. Критика материализма // Мир божий. — 1896. — № 1. — С. 28–48; № 2. — С. 123–147; Челпанов Г. И. Указатель литературы по вопросу о материализме // Университетские Известия. — 1896. — № 9. — С. 133–172; Челпанов Г. И. К вопросу о материализме (Ответ на возражения) // Мир божий. — 1897. — № 8. — С. 1–22; № 9. — С. 55–70.
- ²⁷ Колеров М. А. Н. А. Бердяев в начале пути. — С. 132.
- ²⁸ Санов В. В. Бердяев начинается // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском / Вступ. статья, сост. и комментарии В. В. Сапов. — М.: Астрель, 2008. — С. 4
- ²⁹ Бердяев Н. А. Рецензия: Болин. Спиноза // Мир Божий. — 1899. — № 9. — С. 93–94 // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 370–371. См., напр., Плеханов Г. В. Бернштейн и материализм // Die Neue Zeit. — Jg. — XVI. — Bd. II. — S. 345–355 // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1954–1956. — Т. 2. — С. 354–360.
- ³⁰ Бердяев Н. А. Рецензия: Дух и материя (Против материализма) // Мир Божий. — 1899. — № 12. — С. 89–90 // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 379.
- ³¹ Бердяев Н. А. Рецензия: Ланге. История материализма и критика его значения в настоящее время. изд. 2-е. // Мир Божий. — 1899. — № 6. — С. 88–90 // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 362.
- ³² См.: Бердяев Н. А. Рецензия: Ремке. Очерк истории философии // Мир Божий. — 1898. — № 7. — С. 74–76 // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 337–33; Бердяев Н. А. Рецензия: Кроненберг. Философия Канта и ее значение в истории развития мысли // Мир Божий. — 1898. — № 12. — С. 76–77 // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 353–355; Бердяев Н. А. Рецензия: Паульсен. Кант, его жизнь и учение // Мир Бо-

- жий. — 1899. — № 6. — С. 87-88 // *Бердяев Н. А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 358-360.
- ³¹ *Бердяев Н. А.* Рецензия: Ланге. История материализма и критика его значения в настоящее время. Изд. 2-е. // *Мир Божий.* — 1899. — № 6. — С. 88-90 // *Бердяев Н. А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 362.
- ³⁴ См.: *Санов В. В.* Бердяев начинается. — С. 6.
- ³⁵ *Бердяев Н. А.* Ланге и критическая философия // *Мир Божий.* — 1900, № 7. — С. 224-253 // *Бердяев Н. А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 269.
- ³⁶ *Бердяев Н. А.* Ланге и критическая философия // *Бердяев Н. А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 270.
- ³⁷ *Бердяев Н. А.* Ланге и критическая философия // *Бердяев Н. А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 273.
- ³⁸ *Плеханов Г. В.* Материализм или кантианизм? // *Die Neue Zeit.* — Jg. — XVII. — Bd. I. — S. 589-596; 626-632 // *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. — М.: Госполитиздат, 1954-1956. — Т. 2. — С. 435-436.
- ³⁹ *Плеханов Г. В.* Материализм или кантианизм. — С. 435.
- ⁴⁰ *Бердяев Н. А.* Ланге и критическая философия. — С. 267.
- ⁴¹ *Бердяев Н. А.* Ланге и критическая философия. — С. 258.
- ⁴² *Бердяев Н. А.* Ланге и критическая философия. — С. 268-269.
- ⁴³ *Бердяев Н. А.* Ланге и критическая философия. — С. 276.
- ⁴⁴ *Бердяев Н. А.* Ланге и критическая философия. — С. 280 (примечание).
- ⁴⁵ *Бердяев Н. А.* Ланге и критическая философия. — С. 281.
- ⁴⁶ *Бердяев Н. А.* Ланге и критическая философия. — С. 283.
- ⁴⁷ *Бердяев Н. А.* Ланге и критическая философия. — С. 285.
- ⁴⁸ *Луначарский А. В.* Дальше идти некуда // *Красная Нива.* — № 11. — С. 260-261 // *Луначарский А. В.* Религия и просвещение. — М.: Сов. Россия, 1985. — С. 238.
- ⁴⁹ *Колеров М. А.* Н. А. Бердяев в начале пути. — С. 129.
- ⁵⁰ *Ермолаев Е. И.* Мои воспоминания // *Север.* — 1923. — № 3-4. — С. 1-28; *Ремизов А.* «Северные Афины». История с географией (предбанная память) // *Современные записки.* 1927. — № 30. — С. 234.
- ⁵¹ *Волгогонова О. Д.* Бердяев. — С. 46.

- ⁵² *Луначарский А. В.* Из вологодских воспоминаний // *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления. — С. 79.
- ⁵³ *Барас Д.* Письма молодого Бердяева // *Память. Исторический сборник.* — Вып. 4. — Париж, 1981. — С. 214.
- ⁵⁴ *Бердяев Н. А.* Самопознание. — С. 128. Своей будущей жене Бердяев тогда писал о том, что он — «аристократ не только во внутреннем, но и во внешнем смысле этого слова» (*Барас Д.* Письма молодого Бердяева. — С. 222).
- ⁵⁵ *Бердяев Н. А.* Самопознание. — С. 127.
- ⁵⁶ *Богданов А. А.* Основные элементы исторического взгляда на природу Санкт-Петербурга: Издатель, 1899; *Богданов А. А.* Познание с исторической точки зрения. — СПб.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1901.
- ⁵⁷ *Луначарский А. В.* Автобиографическая заметка // *Луначарский А. В.* Неизданные материалы. — М.: Наука, 1970. — С. 551.
- ⁵⁸ *Луначарский А. В.* Письма к А. И. Южину-Сумбатову // *Луначарский А. В.* Неизданные материалы. — С. 368.
- ⁵⁹ *Луначарский А. В.* Вступительное слово на вечере, посвященном Ф. М. Достоевскому // *Луначарский А. В.* Неизданные материалы. — С. 155.
- ⁶⁰ *Бердяев Н. А.* Самопознание. — С. 128-129.
- ⁶¹ См.: *Луначарский А. В.* Из вологодских воспоминаний // *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления. — С. 79. *Ермолаев Е. И.* Мои воспоминания. — С. 9.
- ⁶² См.: *Богданов А. А.* Примечание // *Ленинский сборник.* — 1931. — № 11. — С. 333.
- ⁶³ *Струмилин С. Г.* Из пережитого. 1897-1917 гг. — С. 140.
- ⁶⁴ См.: *Ремизов А.* «Северные Афины». — С. 241-277.
- ⁶⁵ *Ленин В. И.* Л. И. Аксельрод. 18 февраля 1902 г. // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — 5-е изд. — М.: ИПЛ, 1975. — Т. 46. — С. 171. Когда полемика перешла на страницы книг и журналы, она приобрела там еще больший резонанс (См.: *Бердяев Н. А.* Заметка о книге А. А. Богданова: «Познание с исторической точки зрения» // *Вопросы философии и психологии.* — 1902. — № 64. — С. 834-853 // *Бердяев Н. А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 287-298; *Богданов А. А.* К вопросу о новейших философских течениях (Ответ Н. Бердяеву) // *Вопросы философии и психологии.* — 1902. — № 65. — С. 1049-1059 //

Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 854–859).

⁶⁶ Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. — СПб.: Электрич. Тип., 1901. — С. 87.

⁶⁷ Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 97.

⁶⁸ Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 114.

⁶⁹ Бердяев Н. А. Самопознание. — С. 122–123.

⁷⁰ Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. — СПб.: Электрич. Тип., 1901. — С. 108.

⁷¹ Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. — СПб.: Электрич. Тип., 1901. — С. 246. Об этом Бердяев писал в письме к отцу (См.: Барас Д. Письма молодого Бердяева. — С. 217).

⁷² Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. — СПб.: Электрич. Тип., 1901. — С. 215–216.

⁷³ Колеров М. А. Н. А. Бердяев в начале пути. — С. 127.

⁷⁴ Колеров М. А. Н. А. Бердяев в начале пути. — С. 133.

⁷⁵ Соловьев Е. А. [Андреевич]. Очерки текущей русской литературы. Настроения // Жизнь. — 1901. — Т. I. — С. 238–252 // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 546–559; Дан Ф. И. [Берсенева]. Нечто о «критерии истины». Письмо в редакцию // Русская мысль. — 1901. — № 7. — С. 123–143 // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 605–624.

⁷⁶ Кареев Н. Поворот экономического материализма к «субъективной социологии» // Русские ведомости. — 1901. — № 3. — С. 1–2 // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 537–545; Михайловский Н. К. Литература и жизнь. О книге г. Бердяева с предисловием г-на Струве и о самом себе // Русское богатство. — 1901. — № 1. — С. 77–97; № 2. — С. 102–122 // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 570–604.

⁷⁷ Михайловский Н. К. Литература и жизнь // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 580.

⁷⁸ Струве П. Предисловие // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. — СПб.: Электрич. Тип., 1901. — С. 18.

⁷⁹ Струве П. Предисловие. — С. 29.

⁸⁰ Колеров М. А. Н. А. Бердяев в начале пути. — С. 137. Бердяев отвечал Струве в статье в сборнике «Проблемы идеализма» (Бердяев Н. А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма: Сб. ст. / Под ред. П.И. Новгородцева. — М.: Изд. Моск. психол. о-ва, 1902. — С. 80–82).

⁸¹ Дживелегов А. К. Рецензия на книгу «Субъективизм и индивидуализм» // Вопросы философии и психологии. — 1902. — № 61. — С. 606–612 // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 814–819; Соловьев Е. А. [Андреевич]. Очерки текущей русской литературы. Настроения // Жизнь. — 1901. — Т. I. — С. 238–252 // Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. — С. 546–559;

⁸² Бердяев Н. А. Борьба за идеализм // Мир божий. — 1901. — № 6. — С. 1–26 // Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906). — М.: Канон+, 2002. — С. 11. Аналогичными были формулировки в письме к Струве (Колеров М. А. Н. А. Бердяев в начале пути. — С. 127).

⁸³ Колеров М. А. Н. А. Бердяев в начале пути. — С. 134.

⁸⁴ Бердяев Н. А. Борьба за идеализм. — С. 14.

⁸⁵ Бердяев Н. А. Борьба за идеализм. — С. 22–24.

⁸⁶ Колеров М. А. Н. А. Бердяев в начале пути. — С. 132.

⁸⁷ Бердяев Н. А. Борьба за идеализм. — С. 34.

⁸⁸ Бердяев Н. А. Борьба за идеализм. — С. 23.

⁸⁹ Бердяев Н. А. Борьба за идеализм. — С. 31.

⁹⁰ См.: Mendel A. P. Dilemmas of Progress in Tsarist Russia. Legal Marxism and Legal Populism. — Cambridge (Mass.), Harvard U., 1961. — P. 210–211.

⁹¹ См.: Проблемы идеализма. — М.: Изд. Московского психологического общества. — 1902. — С. IX.

⁹² Бердяев Н. А. Этическая проблема в свете философии идеализма // Проблемы идеализма. Сборник статей. — М.: Изд. Моск. психологиче-

ского общества, 1902. — С. 91-136 // *Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. 1900-1906.* — СПб., М. В. Пирожков. — С. 67.

⁹³ *Бердяев Н. А. Этическая проблема в свете философии идеализма.* — С. 61.

⁹⁴ *Бердяев Н. А. Этическая проблема в свете философии идеализма.* — С. 90. Известно, что в юности А. В. Луначарский придумал даже своего рода «ницшеанский» марксизм (*Kline G. L. «Nietzschean Marxism» in Russia // Demythologizing Marxism / F. J. Adelman (ed.). — The Hague: Nijhoff, 1969. — P. 166-183*), а он не был единственным. См напр.: *Базаров В. Из истории просветительств // Правда.* — 1904. — № 6. — С. 105-126; № 7. — С. 113-127; № 8. — С. 81-95; *Гейликман Т. Теория познания Ницше // Правда.* — 1905. — № 6. — С. 154-174.

⁹⁵ *Бердяев Н. А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900-1906).* — С. 92. Отсюда вытекает его защита естественных прав человека.

⁹⁶ *Бердяев Н. А. Этическая проблема в свете философского идеализма.* — С. 92.

⁹⁷ *Бердяев Н. А. Этическая проблема в свете философского идеализма.* — С. 114.

⁹⁸ Проблемы идеализма. — С. 135, прим.

⁹⁹ *Бердяев Н. А. Самопознание.* — С. 132.

¹⁰⁰ *Бердяев Н. А. Самопознание.* — С. 129.

¹⁰¹ *Боцяновский Б. Ф. В. В. Вересаев. Критико-биографический этюд.* — СПб.: Литература и наука, 1904. — С. 26.

¹⁰² См. *Подарский В. Г. Наша текущая жизнь // Русское богатство.* — 1903. — № 6. — С. 38; *Ратнер М. Б. Проблемы идеализма в русской литературе. К вопросу о смене общественного мировоззрения // Русское богатство.* — 1903. — № 8. — С. 1-30; № 9. — С. 1-32; № 10. — С. 1-29.

¹⁰³ *Пешехонов А. Проблемы совести и чести в учении новейших метафизиков // Русское богатство.* — 1903. — № 2. — С. 74.

¹⁰⁴ *Луначарский А. В. Проблемы идеализма с точки зрения критического реализма // Образование.* — № 2. — С. 113, 114-115.

¹⁰⁵ См. Г. В. Плеханов Л. И. Аксельрод. 26.II.1901 // *Литературное наследие Г. В. Плеханова.* — М.: Гос. Соц.-ек. изд.во, 1934. — Сб. I. — С. 345.

¹⁰⁶ См.: *Аксельрод Л. И. Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма.* — СПб.: Изд. М. М. Дружининой и А. Н. Максимовой, 1906. — С. 95-96.

¹⁰⁷ См.: *Плеханов Г. В. Критика наших критиков // Заря.* — 1901-1902. — № 1. — С. 75-117; № 2-3. — С. 101-155; № 4. — С. 1-31 // *Плеханов Г. В. Избранные философские произведения.* — М.: Госполитиздат, 1956-1958, — Т. 2. — С. 504-633; См. *Pipes R. Liberal on the Left. 1870-1905.* — London, Harvard U.P, 1970. — P. 256-270.

¹⁰⁸ *Колеров М. А. Н. А. Бердяев в начале пути.* — С. 150, 152.

¹⁰⁹ *Луначарский А. В. Воспоминания из революционного прошлого.* — С. 29.

¹¹⁰ См. Очерки реалистического мировоззрения. — СПб.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1904 — С. V.

¹¹¹ *Луначарский А. В. Жизнь и литература // Правда.* — 1904. — № 11. — С. 261.

¹¹² Очерки реалистического мировоззрения. — С. 131, 123.

¹¹³ Очерки реалистического мировоззрения. — С. 137-139.

¹¹⁴ *Засулич В. Элементы идеализма в социализме // Заря.* — 1902. — №№ 2-5 // *Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии.* — С. 831.

¹¹⁵ См.: *Филиппов М. М. Новый идеализм // Научное обозрение.* — 1903. — № 3. — С. 1-2.

¹¹⁶ *Богданов А. А. Из психологии общества: Статьи 1901-1904 гг.* — СПб.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1904. — С. 29-32; См.: *Богданов А. Из психологии общества.* — 2-е изд., доп. — СПб.: Тов-во «Дсло», 1906. — С. 37.

¹¹⁷ Очерки реалистического мировоззрения. — С. 180.

¹¹⁸ Очерки реалистического мировоззрения. — С. 130-131.

¹¹⁹ *Бердяев Н. А. Критика исторического материализма // Мир Божий.* — 1903. — № 10. — С. 1-30 // *Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. 1900-1906.* — СПб.: М. В. Пирожков, 1907. — С. 132; *Бердяев Н. А. Критика исторического материализма.* — С. 151.

¹²⁰ *Бердяев Н. А. Самопознание.* — С. 60.

¹²¹ *Бердяев Н. А. О новом русском идеализме // Вопросы философии и психологии.* — 1904. — № 75. — С. 683-724 // *Бердяев Н. А. Sub specie*

aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. 1900-1906. — СПб.: М. В. Пирожков, 1907. — С. 188.

¹²² Бердяев Н. А. Дневник публициста: О полемике. Ответ критикам. «Идеализм» и наука. «Идеализм» и свобода. Отношение «идеализма» к переживаемому нами моменту. Группировка общественных направлений // Новый путь. — 1904. — № 11. — С. 361-375 // Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. 1900-1906. — СПб.: М. В. Пирожков, 1907. — С. 222.

¹²³ Бердяев Н. А. Великий Инквизитор // Вопросы философии и психологии. — 1907. — № 86. — С. 1-36; Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. — М. Тип. М. Саблина, 1909. — С. 1-22; Бердяев Н. А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. — М.-Пб., Русская мысль; 2-ое изд. Париж, YMCA-Press, 1918. — С. 67-108.

С. Л. ФРАНК И Н. Д. БЕРДЯЕВ: ЭПИЗОДЫ ЭМИГРАЦИИ

Г. Е. Аляев, Т. Н. Резвых

История взаимоотношений двух великих русских философов — Семёна Людвиговича Франка и Николая Александровича Бердяева — исследована пока далеко не достаточно. Между тем, предпосылки для такого исследования явно имеются. Их имена часто стоят рядом — среди тех, кто в начале XX века перешёл «от марксизма к идеализму»; в числе ведущих авторов «Вех» и идеологов «веховства»; в ряду самых значительных мыслителей русской эмиграции первой половины XX века. Не претендуя в рамках статьи на полноту, остановимся на некоторых эпизодах их отношений, прежде всего — периода эмиграции¹.

Ещё в России

Они были лично знакомы сорок пять лет — по свидетельству Франка, он «впервые познакомился» с Бердяевым в Штутгарте, куда съехалась «небольшая группа ближайших единомышленников» П. Б. Струве, и где началось своеобразное «бродячее совещание», предшествовавшее первому съезду «Освобождения», — это было летом 1903 г.² Заочное знакомство началось ещё раньше — они уже были авторами одного сборника, знаменитых «Проблем идеализма» (1902). Однако «идеализм», к которому они

* Работа выполнена по гранту Фонда развития ПСТГУ № 01-0718/н «С. Л. Франк между неокантианством и абсолютным реализмом: политика, культура, философия, религия».

Стэйла Даниэла (Steila Daniela) — доктор наук, профессор по истории русской философии Государственного Университета Турина (Италия, г. Турин);

Суходуб Татьяна Дмитриевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии науки и культурологии Центра гуманитарного образования Национальной академии наук Украины, сопредседатель Общества русской философии при Украинском философском фонде (Украина, г. Киев);

Таранов Сергей Владимирович — доктор философских наук, доцент, заместитель директора Центра гуманитарного образования Национальной академии наук Украины (Украина, г. Киев);

Чернусь Владимир Константинович — соискатель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва).

ОГЛАВЛЕНИЕ

«КИЕВ ОДИН ИЗ СЛЫХХ КРАСИВЫХ ГОРОДОВ.» (Вместе Предисловия) (Т. Д. Суходуб).....	V
«Я ЛЮБЛЮ ФИЛОСОФСКУЮ МЫСЛЬ, КОГДА ЭТОХД К НЕЙ РВНОДУШНЦ.»	3
Стиль философского мышления Н. А. Бердяева (М. Н. Громов).....	4
Философский метод Бердяева: критицизм или догматизм (В. В. Лимонченко).....	23
Гносеологическая концепция Н. А. Бердяева: от интуиции бытия к эсхатологии (В. Л. Петрушенко).....	45
Неклассическая интенциональность Н. А. Бердяева (В. К. Чернусь) Современная рецепция и переводы Н. А. Бердяева в Словакии (З. Пла- шиенкова).....	68 85
«ВСЯ МОЯ ФИЛОСОФИЯ В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ АНТРОПОЛОГИЧНЦ.».....	103
Бытие и Бердяев. Опыт противоречивой онтологии (С. В. Таранов)	104
На пути Нового Просвещения, или о некоторых аспектах филосо- фии свободы и творчества Н. Бердяева (Е. А. Солодкая).....	117
Личная этика Николая Александровича Бердяева (Л. А. Облова).....	129
Н. А. Бердяев и А. Камю о русском нигилизме (И. Б. Сазеева).....	154
Органическое мировоззрение в рефлексии Н. А. Бердяева (крик о кризисе человечности по мотивам работы «Человек и машина») (О. Д. Маслобоева)	172
Диалогический персонализм Н. А. Бердяева (Т. Д. Суходуб).....	197

«Я ПЕРЕЖИВЛЮ ВСЕ СОБЫТИЯ МОЕЙ ЭПОХИ, ВСЮ СУДЬБУ МИРА, КАК СОБЫТИЯ, ПРОИСХОДЯЩИЕ СО МНОЙ, КАК СОБСТВЕННУЮ СУДЬБУ...»	205
Молодой Бердяев и марксизм (Д. Стэйла).....	206
С. Л. Франк и Н. А. Бердяев: эпизоды эмиграции (Г. Е. Аляев, Т. Н. Резвых)	235
Тема социокультурного кризиса в творчестве Н. А. Бердяева (Т. Ю. Сидорина).....	273
Апокалиптическая сущность настоящего времени (М. Ю. Савельева)	289
«Новое религиозное сознание» или ортодоксия?	
Трактат Николая Бердяева «Дух и реальность» (И. И. Павлов).....	311
«ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЕСТЬ СЛОВО ИЗУМИТЕЛЬНОЕ В МИРОВОЙ ЖИЗНИ, ЧЕРЕЗ НЕГО ПРОСВЕЧИВАЕТ ИНОЙ МИР...»	
Приложение 1.....	327
Список слушателей Религиозно-Философской Академии [Берлин, Германия / Париж, Франция] (Публ. Т. Д. Суходуб).....	328
<Из лекций Н. А. Бердяева о культуре> (Публ. Т. Д. Суходуб).....	331
Избранная библиография Н. А. Бердяева (Публ. Т. Д. Суходуб).....	470
«ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДНА СТРАНА, В КОТОРОЙ МЕНЯ ПОЧТИ НЕ ЗНАЮТ, — ЭТО МОЯ РОДИНА...»	
Приложение 2.....	483
Т. Ф. Клепинина, секретарь Н. А. Бердяева (Биографические матери- алы) (Е. Д. Клепинина-Аржаковская).....	484
Выступление Ю. А. Данилова-Бердяева на открытии Международ- ных Бердяевских чтений 19 марта 1999 г. (г. Киев).....	488
Житомирська родина філософа. (Г. Мокрицький).....	491
Памятование философа Бердяева на родине: история в публикациях и документах (Публ. Т. Д. Суходуб).....	494
Об Н. А. Бердяеве и творчестве философа (избранные работы, опубли- кованные в Украине) (Публ. Т. Д. Суходуб).....	515
АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ.....	526